

DOI 10.31162/2618-9569-2023-16-4-884-903

УДК 297.17

Original Paper

Оригинальная статья

Исламская община Северной Осетии в постсоветский период: особенности развития

Р.М. Мухаметшин^{1а}, К.В. Каспарян^{2б}, С.К. Осипов^{3с}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

³Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6157-8437>, e-mail: rafikm@mail.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3982-7713>, e-mail: kasparyan@pgu.ru

^сORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7059-863X>, e-mail: osipov@pgu.ru

Резюме: Статья посвящена изучению отличительных особенностей развития исламской общины Северной Осетии, ее организационных структур в 1990–2010-х гг. и их воздействия на духовное сознание мусульман республики. В исследовании рассмотрены ключевые направления деятельности мусульманской общины Республики Северная Осетия – Алания в постсоветский период и выявлены ключевые проблемы, которые ей пришлось преодолевать. В статье представлен сопоставительный анализ деятельности руководителей Духовного управления мусульман Северной Осетии и дана оценка их непосредственному вкладу в исламское духовное возрождение в республике.

Ключевые слова: Духовное управление мусульман Северной Осетии (ДУМСО); опыт раннего ислама; противодействие религиозному экстремизму; чикольская община; этно-конфессиональная карта республики; противодействие ваххабизму

Для цитирования: Мухаметшин Р.М., Каспарян К.В., Осипов С.К. Исламская община Северной Осетии в постсоветский период: особенности развития. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):884–903. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-884-903

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Islamic community of North Ossetia in the post-Soviet period: features of development

R.M. Mukhametshin^{1a}, K.V. Kasparyan^{2b}, S.K. Osipov^{3c}

¹Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation

²Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, the Russian Federation

³Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6157-8437>, e-mail: rafikm@mail.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3982-7713>, e-mail: kasparyan@pgu.ru

^cORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7059-863X>, e-mail: osipov@pgu.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the characteristic features of the development of the Islamic community of North Ossetia and its organizational structures in the 1990s – 2010s and the nature of their impact on the spiritual consciousness of Muslims in the republic. This study examines the main activities of the Muslim community of the Republic of North Ossetia – Alania in the post-Soviet period and identifies the main problems that it had to overcome during the period under study. This article provides a comparative analysis of the activities of the leaders of the Spiritual Administration of Muslims of North Ossetia and assesses their direct contribution to the Islamic spiritual revival in the republic.

Keywords: The Spiritual Administration of Muslims of North Ossetia (DUMSO); the experience of early Islam; countering religious extremism; the Chikol community; the ethnoconfessional map of the republic; countering Wahhabism

For citation: Mukhametshin R.M., Kasparyan K.V., Osipov S.K. The Islamic community of North Ossetia in the post-Soviet period: features of development. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):884–903. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-884-903

Введение

Прежде всего следует отметить, что Северный Кавказ – территория проживания большого количества этносов разного вероисповедания (исламского, православного христианского и т.д.), относящихся к различным языковым группам. С учетом данного обстоятельства обеспечение стабильности в указанном регионе во многом зависит от четкого понимания имеющихся проблемных вопросов, в том числе религиозного характера.

При этом, что важно принять во внимание, конфессиональная картина Северной Осетии имеет существенные отличия от ситуации, сложившейся при таких же показателях в остальных республиках Северо-Кавказского региона, в которых ислам является господствующей религией. Так, в Республике Северная Осетия большая часть населения исповедует христианство православного толка.

В то же время в данном государственном образовании проживает и большое количество мусульман (осетин, ингушей, чеченцев и т.д.), которые оказывают значительное воздействие на общественную жизнь данной территории.

За период, последовавший за распадом Советского Союза, исламская умма Северной Осетии претерпела значительные изменения в своей деятельности, а также в вопросах взаимодействия с региональными и федеральными государственными структурами и с представляющими иные конфессии религиозными группами.

При этом, помимо ряда объективных обстоятельств, большую роль в динамике изменений положения исламской уммы в Республике Северная Осетия – Алания сыграли особенности профессиональной деятельности тех, кто возглавлял Духовное управление мусульман в течение 1990–2010-х гг.

По мнению авторов данного исследования, необходимо детально проанализировать эволюцию государственной политики по отношению к мусульманской общине Северной Осетии и ее трансформации на протяжении трех постсоветских десятилетий. Подобный анализ, как представляется, позволит выявить характерные особенности эволюции мусульманских религиозных институтов в Северной Осетии в конце XX – начале XXI столетия.

Кроме того, с точки зрения авторов данного исследования, всестороннее изучение специфики развития исламской общины в Республике Северная Осетия – Алания позволит дать оценку результатам деятельности каждого из мусульманских духовных лидеров данного региона.

Цель данной научной работы: анализ развития исламских духовных институтов Республики Северная Осетия – Алания в постсоветский период и их роли в системе государственно-конфессиональной политики и межконфессиональных отношений в республике.

С учетом цели данного исследования сформулированы основные задачи:

- определить, каким был уровень взаимоотношений государства и исламских религиозных организаций в Северной Осетии в постсоветский период;
- проанализировать характерные особенности развития североосетинской мусульманской общины в 1990 – 2010-х гг.;
- исследовать роль каждого из муфтиев Северной Осетии, которую они играли в процессе духовного возрождения мусульман республики и в развитии межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений.

Историография проблемы

Прежде всего необходимо отметить, что проблема развития исламской общины Северной Осетии является предметом научного интереса российских и иностранных специалистов.

Непосредственно данную научную проблему изучают такие ученые, как Д.З. Хайретдинов, Н.М. Емельянова, Я.А. Амелина, Т.Е. Дзеранов, Б.М. Бирагова, Р.К. Келехсаев. В их трудах дан анализ становления и развития мусульманской общины Северной Осетии, исследована специфика деятельности Духовного управления мусульман республики и ее духовных лидеров, а также особенностей их взаимодействия с российскими и зарубежными единоверцами.

Существенный вклад в рассмотрение данной темы также внесли эксперты, изучающие историю ислама на Северном Кавказе и в России в целом. Среди них следует отметить таких специалистов, как М. Арсанукаева, А. Гиль, А. Шабациук; А.К. Аликберов, В.О. Бобровников, А.К. Бустанов; С. Хантер; С.К. Осипов; Р. Бухараев; Й. Пилкингтон, Г. Емельянова; Р.К. Келехсаев, Э. Аскеров.

Следует также отметить, что отдельные составные компоненты рассматриваемой в данном исследовании научной проблемы изучены в работах таких ученых, как Р.Т. Вердиев; Л. Молодикова, Э. Уотт; А.Л. Дзасохов; З.В. Канукова; Э. Ротштейн; Р. Кенез; А.Т. Баликоев.

Результаты

В советский период исламская религия, как и прочие конфессии на территории СССР, испытывала серьезные затруднения в своей деятельности: нехватка профессиональных богословов и компетентных проповедников, отсутствие необходимой материальной базы, достаточного количества духовной литературы и, что имело наибольшее значение, неоднократные репрессивные действия со стороны властных структур [1, с. 121].

По понятным причинам подобные проблемы испытывала и мусульманская община в Северной Осетии, в тот период – Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Положительные изменения произошли лишь в конце 1980-х гг., когда политическое руководство Советского Союза смягчило свою политику по отношению к религии в целом и к исламу в частности [2, с. 108].

В 1990 г. мусульмане Северной Осетии сумели добиться создания в республике Духовного управления (ДУМСО). Духовным лидером североосетинской исламской уммы был избран Д.Х. Хекилаев, что обуславливалось как его существенными познаниями в исламском богословии, так и его неизменно принципиальной позицией по отстаиванию прав своей религии и своих единоверцев на протяжении нескольких десятилетий – в условиях, когда подобная деятельность вызывала резко негативную реакцию партийного руководства Северо-Осетинской АССР, имевшую отрицательные последствия для будущего муфтия республики [3, с. 59].

Следует учесть то обстоятельство, что Д.Х. Хекилаев руководил Духовным управлением мусульман Северной Осетии в непростых условиях. Прежде всего потому, что первому муфтию республики пришлось преодолевать практически полное отсутствие религиозности у большинства местных мусульман (данная ситуация наблюдалась в тот период среди всех конфессиональных групп в Республике Северная Осетия – Алания). Длительный период атеистической пропаганды, имевшей место в советский период, наряду с распадом СССР и разрушением его идеологической парадигмы способствовали формированию у жителей Северной Осетии (как и всех граждан России и других бывших союзных республик) мировоззренческого вакуума [4, с. 15].

Кроме того, следует учитывать тот немаловажный факт, что Д.Х. Хекилаеву пришлось действовать в реалиях такого процесса, как политизация мусульманской религии в Российской Федерации, начало которой было положено в 1992-1993 гг. После прекращения продолжительного геополитического противостояния СССР и США, в рамках которого были разорваны какие-либо двусторонние контакты советских граждан с Востоком и Западом, в том числе религиозного характера. Завершение холодной войны, в свою очередь, обеспечило проникновение на территорию Российской Федерации большого количества конфессиональных деятелей и богословских идей [5, р. 82].

Исламская умма России в целом, в том числе и мусульмане Северной Осетии, была подвержена воздействию со стороны арабских государств, среди которых наибольшую активность проявляла Саудовская Аравия. На данном направлении активизировалась деятельность и Турецкой Республики, сконцентрировавшей свои усилия на контактах с тюркоязычными этносами России в Поволжском и Северо-Кавказском регионах [6, с. 405].

Сложность ситуации заключалась в том, что на территории России преимущественно действовали исламские организации, ориентировавшиеся на распространение радикальных идей. Их целью было установление (в их субъективном понимании) постулатов раннего ислама в конфессиональной, общественной и управленческой сферах, а также всемерное очищение мусульманской религии от проявлений *бид'а* (в переводе с арабского – новшества, нововведения). Итогом их деятельности предполагалось основание общемирового исламского халифата и физическое устранение всех представителей иных конфессий, отвергающих их теологическую концепцию [7, с. 41].

Следует учесть тот факт, что данные религиозные деятели получили безоговорочную поддержку со стороны тогдашнего политического руководителя Чеченской Республики – генерала Д.М. Дудаева, который стремился к обретению политической независимости от Российской Федерации. По этой причине возникла опасность распространения указанных выше фундаменталистских идей в других регионах Северного Кавказа, включая и Северную Осетию.

Д.-Х. Хекилаев четко осознавал реальный характер данной угрозы. Муфтий Северной Осетии прилагал максимум усилий к созданию структурированной мусульманской общины в республике и к просвещению своих единоверцев. Данная политика была ориентирована на преодоление распространения на территории Республики Северная Осетия – Алания радикальных религиозных воззрений [8, с. 16].

Необходимо отметить, что Д.-Х. Хекилаев неоднократно обращался к республиканскому руководству во главе с А.Х. Галазовым с просьбами о помощи в преодолении таких существенных затруднений. Следует признать, что первому муфтию Северной Осетии не удалось добиться должного понимания со стороны региональных властных структур. Президент республики А.Х. Галазов и его окружение придавали приоритетное значение развитию спортивной сферы в Северной Осетии (в первую очередь профессиональному футболу) и не оказывали достаточной политической и материальной поддержки религиозным общинам, а также образовательным и культурным учреждениям [9, с. 620].

Также следует учесть тот факт, что мусульманская умма республики не отличалась многочисленностью. Отсутствие значимой помощи со стороны властей Северной Осетии не позволяло Д.-Х. Хекилаеву создать развитую инфраструктуру. Первому духовному лидеру постсоветских мусульман Республики Северная Осетия – Алания пришлось в 1990 г. сформировать Духовное управление на территории села Чикола, ранее носившего название Вольно-Магометановское, в населенном пункте, в котором проживало наибольшее число граждан, исповадовавших ислам. После распада СССР ДУМСО было перемещено во Владикавказ, однако муфтий большую часть времени работал в Чиколе, а влияние местной общины на жизнь всех мусульман в республике сохраняло ключевые позиции [10, с. 183].

Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что к концу XX столетия фактическим центром исламской уммы Северной Осетии стал город Беслан, в котором количество мусульман по сравнению с представителями других религий было преобладающим (более 24 000 жителей, т.е. свыше 70% населения) [11, с. 96].

Кроме того, работе главы Духовного управления мусульман препятствовали нарушения со стороны не только отдельных рядовых единоверцев, но и ряда непосредственных сподвижников муфтия, которые использовали значительные финансовые средства уммы в корыстных целях. Также ситуация осложнялась по причине вступления в мусульманскую общину Северной Осетии лиц, не отличавшихся особой религиозностью [12, р. 74].

Мусульманская молодежь в знак протеста начала объединяться вокруг поддерживавших религиозный экстремизм таких же молодых духовных лидеров. Наиболее одиозными из них являлись Е.Б. Тегаев, руководитель Исламского культурного центра во Владикавказе, а также его заместитель Д.С. Мамиев. Они установили тесные связи (которые стали еще более интенсивными после начала первой войны в Чечне в 1994 г.) с миссионерами из соседних регионов и из иностранных государств (преимущественно – арабских).

Эти контакты часто оставались вне всякого контроля со стороны муфтията. Духовный лидер мусульманской общины оказался не способен в одиночку противостоять этим тенденциям. Часть его окружения не понимала серьезности сложившейся ситуации, а другие тайно сочувствовали экстремистам. При этом власти республики, как отмечалось выше, вели себя крайне пассивно. Из-за рубежа и из являвшихся в то время исламистскими центров России (в первую очередь из Чечни и Кабардино-Балкарии) в Северную Осетию фактически беспрепятственно поступала экстремистская религиозная литература. При этом Д.Х. Хекилаев стремился уладить все конфликтные ситуации путем увещевания, что воспринималась экстремистами как слабость. Попытки муфтия урегулировать ситуацию наталкивались на активное противодействие членов возникших радикальных группировок. Дело часто доходило до конфликтов и прямых угроз духовному лидеру и его сторонникам [13, р. 215].

В начале 1990-х гг. в республике активизировалась миссионерская деятельность ваххабитских (саяфитских) эмиссаров из Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии. Ваххабизм (от арабского слова «аль-ваххабийя») – это религиозно-политическое движение в исламе, возникшее в XVIII столетии на территории современной Саудовской Аравии (где он и сейчас является

государственной религией) и направленное в тот период против Османской империи. Согласно учению создателя ваххабизма Мухаммада ибн ‘Абд-аль-Ваххаба, постулатами ислама могут считаться лишь каноны, разработанные при жизни первых трех поколений последователей пророка Мухаммеда. Все последующие постановления являются ересью и должны искореняться (вместе с теми мусульманами, которые признают их, – приверженцами «народного ислама», согласно трактовке ваххабитов) не менее последовательно и безжалостно, чем иноверцы.

На протяжении столетий ваххабиты ведут упорную войну с народами, исповедующими классический ислам – суннизм и шиизм, отличаясь крайней нетерпимостью и чрезмерной жестокостью к инакомыслящим. Термин «ваххабиты» последователи Мухаммада ибн ‘Абд-аль-Ваххаба не признают и именуют себя саляфитами (от арабского слова *саляф* – предшественники), считая себя истинными приверженцами подлинного, неискаженного исламского учения. Распространение ваххабизма повлияло и на этноконфессиональную карту республики. С начала 90-х гг. XX в. наблюдался отток русского населения из Северной Осетии, опасавшегося ваххабитов. В то же время за счет мигрантов заметно увеличились местные общины чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев, таджиков и турок [14, с. 147].

Проживая вдали от Владикавказа, часто болевший муфтий не мог активно влиять на наиболее крупную на начало XXI в. в Северной Осетии Владикавказскую общину мусульман. После кончины муфтия, весной 2004 г., проблема в Духовном управлении еще более усилилась. В результате долгих интриг и всевозможных уловок муфтием стал Р.Х. Валгасов – человек, который в бытность заместителем Х.-Г. Хекилаева обвинялся в растрате средств. К тому же он не обладал ни духовным, ни светским образованием. При новом главе Духовное управление фактически отошло от прямых задач. К тому же Р.Х. Валгасов не стремился к установлению диалога ни с прочими конфессиями РСО-А, ни с республиканскими властями и зачастую подвергал критике федеральное руководство, в частности во время трагических событий в Беслане осенью 2004 г.

Сотрудники Института востоковедения Российской академии наук в течение 2004 г. исследовали ситуацию с мусульманскими организациями в

РСО-А. Они указали, что внутри РСО-Алания, в том числе и во Владикавказе, имеет место нарастание религиозной напряженности. Радикализация части верующих мусульман и дестабилизация внутриобщинных отношений в РСО-Алания, по их мнению, объяснялась следующими группами причин:

1. Поверхностное знание большей частью верующих основ мусульманской религии, слабая профессиональная подготовка некоторых священнослужителей, миграционные процессы, отсутствие правовой базы для осуществления контроля за деятельностью радикальных исламских группировок.

2. Социально-политическая напряженность в регионе, деятельность на территории Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Дагестана террористических группировок, стремящихся дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе, в частности в Осетии.

3. Системный кризис в масштабе всей страны, разрыв экономических и культурных связей между регионами, безработица и социальная дифференциация в обществе.

4. Глобальные или международные. Усиление роли мусульманских стран в международной жизни, активизация радикальных исламских течений и организаций, вмешательство их во внутренние дела России. Финансовая поддержка радикальных и террористических организаций региона из-за рубежа [15, р. 68].

В республике все эти процессы не оставались незамеченными, и ДУМ превратилось в объект справедливой критики и нападок со стороны местных мусульман и руководителей РСО-А. Муфтий не мог принимать активного участия в обсуждениях и конференциях, посвященных проблемам религии в республике. В Северной Осетии начало складываться устойчивое мнение, что мусульманам свойственна малограмотность, корысть и неискренность в вере.

В январе 2005 г. министр РСО-А. по делам национальностей Т.С. Касев обвинил Е.Б. Тегаева в пособничестве террористам, захватившим школу в Беслане в сентябре 2004 г., и в неспособности муфтия контролировать мусульманскую общину. В результате Е.Б. Тегаев и его ближайшие сподвижники Д.С. Мамиев, З.Х. Зазоров и В.Ф. Чельдиев были осуждены за причастность к бесланской трагедии. При этом муфтий, комментируя данные действия пра-

воохранительной системы РСО-Алания, расценил их как проявление произвола и дискриминации по отношению к мусульманам [16, p. 203].

Однако не только христиане-осетины, но и представители мусульманской уммы Северной Осетии подвергли критике муфтия и его окружение за отсутствие оказания материальной помощи пострадавшим (в отличие от властей республики). Кроме того, бесланская трагедия послужила для некоторых молодых осетин-мусульман поводом для перехода в православие. После террористического акта многие выжившие дети и родители тех, кто не выжил, крестились, несмотря на то что ранее считали себя мусульманами. Погибших бесланцев, в том числе и мусульман, хоронили по православному обряду. Значительное количество чеченских и ингушских студентов после бесланских событий покинули Владикавказ.

Таким образом, печальное событие, унесшее жизни сотен граждан, обусловило и серьезный репутационный ущерб ДУМСО Северной Осетии и лично муфтию, а также спровоцировало новый всплеск ксенофобии [10, с. 59].

Перечисленные выше причины привели к отстранению Р.Х. Валгасова и выборам нового главы ДУМСО в апреле 2005 г., которым стал имам Владикавказской соборной мечети Х.М. Тавказахов, человек более жесткий и решительный, чем два его предшественника, способный наладить диалог с республиканским руководством. Новый муфтий умел изыскивать дополнительные средства путем обращения к республиканским предпринимателям и муниципальным образованиям. Получаемые от спонсоров и местных властей средства шли, в том числе, на паломничество (хадж) мусульманской молодежи Северной Осетии в Мекку, организуемое, по словам Х.-М. Тавказахова, с целью личного посещения святых для любого мусульманина мест и религий, при этом без обращения за помощью к иностранным инвесторам с сомнительной репутацией.

Однако Х.-М. Тавказахову не удалось искоренить проваххабитские симпатии в среде осетинской мусульманской молодежи. В 2006 г. на территории Северной Осетии начала свою террористическую деятельность группировка «Катаиб аль-Хаул» («Бригады мощи»)¹, созданная боевиком А. Ди-

¹ В российских СМИ известна под названием «Катаиб аль Хоул», или «Осетинский джамаат».

горским (кличка Абу Саад). Боевиками было совершено несколько крупных террористических актов (взрыв во Владикавказе 2 февраля 2006 г., убийство начальника республиканского управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) М.Х. Мерцаева) [17, с. 85].

Посредством интернет-сайтов «Катаиб аль-Хауль» заявила о намерении отделить Северную Осетию и создать мусульманский вилайет² Иристон (название Северной и Южной Осетии на осетинском языке) в составе Кавказского имарата³ (эмирата). Кроме того, районные мусульманские общины обвиняли муфтия в присвоении части спонсорских средств и злоупотреблении своим положением (например, за оплату поездок в Мекку своим многочисленным родственникам из бюджета ДУМСО). Посчитав, что в подобной обстановке он не имеет права руководить исламской общиной республики, Х.-М. Тавказахов в феврале 2008 г. сложил с себя полномочия [18, р. 25].

Его преемником стал А.-Х. (С.М.) Евтеев, русский по отцу и осетин по матери. В двадцатидвухлетнем возрасте он принял ислам под влиянием Е.Б. Тегаева, которого считал своим духовным наставником. А.-Х. Евтеев получил теологическое образование в медресе в Саудовской Аравии и участвовал в создании Осетинского джамаата. Возникшие в первые постсоветские годы джамааты стали территориально-этническими объединениями, созданными для ведения подпольной вооруженной террористической деятельности первоначально в Чечне, а затем на территории Северного Кавказа и Поволжья. Однако после окончания Университета Аль-Азхар в Каире и Международного Исламского Университета в Медине А.-Х. Евтеев отказался от экстремистских взглядов Е.Б. Тегаева и постепенно стал склоняться к традиционному исламу (или, по его словам, к умеренному салафизму) [19, с. 4].

Новый муфтий активно участвовал в научных дискуссиях, аргументированно отстаивал свою позицию и имел больший авторитет, чем предыдущие главы ДУМСО. Ему удалось всего за два года изменить в глазах общественности мнение об исламской общине в положительную сторону. Однако в мае 2010 г. в интервью журналистке Я.А. Амелиной А.-Х. Евтеев чрезмерно резко отозвался о православии как религии и о православных священнослу-

² Турецкий вариант термина от араб. *вилайа* (регион или область).

³ Организация запрещена на территории РФ как террористическая.

жителях. Его интервью вызвало весьма широкий резонанс, и, несмотря на официальные извинения, он был вынужден покинуть свой пост.

В июне 2010 – марте 2011 г. обязанности главы ДУМСО исполнял Х.Х. Гацалов, имевший значительный профессиональный опыт в сфере государственного управления, занимая высокие должности в правительстве Северной Осетии. Кроме того, в 2008–2010 гг. он являлся заместителем главы ДУМ. 17 марта 2011 г. он был избран муфтием РСО-А (в 2016 г. переизбран). Х.Х. Гацалов, с самого начала управления муфтиятом умело использовал свои управленческие навыки для наведения порядка в ДУМСО. Он исключил из состава Духовного управления сторонников радикального ислама и заменил их имамами, наиболее последовательно придерживавшимися устоев традиционного ислама, а также представителями молодого поколения, получившими теологическое образование.

Тем не менее ему пришлось вести тяжелую борьбу с исламистами. В начале 2010-х гг. в республике был совершен ряд террористических актов, направленных против мусульманских общественных деятелей – противников ваххабизма. В мае 2011 г. был убит народный поэт, профессор Ш.Ф. Джикаев; в декабре 2012 г. произошло убийство заместителя муфтия РСО-А, имама соборной мечети Владикавказа И.А. Дударова, в августе 2014 г. – заместителя муфтия Р.М. Гамзатова, имама соборной мечети Владикавказа. Представители молодого поколения исламской общины Северной Осетии прошли обучение в военных лагерях радикальной организации «Аль-Каида»⁴; около двух десятков молодых осетин-мусульман по положению на 2014 г. воевали на стороне международной экстремистской организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), запрещенной на территории РФ. Тем не менее активная деятельность муфтия и его сотрудников позволила локализовать очаги распространения исламского фундаментализма в республике [20, p. 187].

С 2015 г. террористическая деятельность в Северной Осетии пошла на спад вследствие как работы ДУМСО, так и эффективной антитеррористической деятельности правоохранительных органов. Часть боевиков была

⁴ Запрещена на территории РФ как террористическая организация.

уничтожена или арестована в результате проведения специальных операций, часть эмигрировала на Ближний Восток.

Заметное влияние на этноконфессиональную ситуацию в республике оказывают миграционные процессы. Наметившаяся тенденция к стабилизации экономической и политической ситуации в стране и северокавказском регионе будет содействовать улучшению межконфессиональной и внутриконфессиональной обстановки в республике, в частности внутри мусульманской общины.

В настоящее время в республике осуществляют свою деятельность 27 объединений мусульман, которые находятся в сфере полномочий Совета Духовного управления мусульман РСО-Алания. Общины мусульман локализируются в таких городах, как Владикавказ, Беслан и Моздок, а также в селениях Заманкул, Зильги (Правобережный район), Карджин, Эльхотово (Кировский район), Чикола, Лескен (Ирафский район), Куртат, Майское, Тарское (Пригородный район), Кизляр, Предгорное, Хурикау (Моздокский район) и др.

В мусульманских общинах республики все еще ощущается нехватка подготовленных, имеющих специальное образование священнослужителей, хотя их процент постепенно увеличивается. Количество мусульман среди осетин составляет примерно 15% (т.е. около 70 тысяч человек). С учетом представителей других национальностей, исповедующих ислам (ингушей, кумыков, азербайджанцев, кабардинцев и др.), общее количество мусульман составляет чуть более двадцати процентов населения РСО-Алания (139–140 тыс. чел. по данным на начало 2020 г.) [21, р. 191].

Заключение

Деятельность мусульманской общины в Северной Осетии в начале 1990 – конце 2010-х гг. носила противоречивый характер. В данный период стало наблюдаться духовное возрождение мусульманской религии (и других конфессий) как на территории республики, так и во всей России в целом. Для координации действий граждан, исповедующих ислам, в Северной Осетии было создано Духовное управление мусульман и учрежден пост муфтия.

Однако с первых месяцев своего существования ДУМСО столкнулось с рядом серьезных затруднений, связанных с низкой религиозной грамотностью своих единоверцев и отсутствием существенной поддержки со стороны республиканского руководства.

По разным причинам как объективного, так и личностного характера первые четыре муфтия, Д.-Х. Хекилаев, Р.Х. Валгасов, Х.-М. Тавказахов и А.-Х. Евтеев, оказались не в состоянии эффективно бороться с указанными проблемами. Они не сумели противостоять распространению в республике идей исламского экстремизма и возникновению фактически параллельного мусульманского центра Северной Осетии – Исламского культурного центра во Владикавказе, возглавляемого Е.Б. Тегаевым, вокруг которого сплотились наиболее радикальные представители североосетинской исламской уммы, а также пресечь террористическую деятельность А. Дигорского (Абу Саада).

Неэффективная деятельность муфтиев и близкого к ним окружения, просчеты и конфликты с властями республики нанесли серьезный ущерб репутации мусульманской общины Северной Осетии. Ситуацию сумел, хотя и с течением времени, выправить лишь действующий муфтий Х.Х. Гацалов, нашедший общий язык с руководством РСО-А и принявший ряд решительных мер по борьбе с религиозным экстремизмом и повышению религиозной грамотности своих единоверцев.

Литература

1. Хайретдинов Д.З. *Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского конгресса России*. М.: Эксмо; 1997. 234 с.
2. Емельянова Н.М. *Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография*. М.: РИК; 2003. 359 с.
3. Амелина Я.А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор. *Мусульманский мир*. 2014;2:56–69.
4. Вердиев Р.Т. *Особенности современной Осетии*. М.: АСТ; 2009. 182 с.
5. Molodikova I., Watt A. *Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies)*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 224 p.
6. *История Осетии. XX век*. Дзасохов А.Л. (ред.). М.: Наука; 2003. 632с.

7. *Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности*. Арсанукаева М., Гиль А., Шабациук А. (ред.). Люблин-Майкоп, 2014. 266 с.
8. Дзеранов Т.Е. История принятия ислама в Осетии (Алании). *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015;12–6:15–17.
9. Блиев М.М. *Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации*. М.: Мысль; 2004. 877 с.
10. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН; 2018. 456 с.
11. Канукова З.В. *Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние*. Владикавказ: ИПО СОИГСИ; 2009. 172 с.
12. Rotstein A. *A people reborn: the story of North Ossetia*. London: Lawrence & Wishart; 2019. 431 p.
13. Hunter S. *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2016. 562 p.
14. Осипов С.К. Религиозный фактор в эволюции политической системы России. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2010;1:144–150.
15. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.
16. Kenez P. *A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy*. London: Cambridge University Press; 2017. 388 p.
17. Бирагова Б.М. Ислам в Республике Северная Осетия-Алания: социальное акторство и политическая трансформация. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;7:84–86.
18. Pilkington Y., Yemelianova G. *Islam in Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 2022. 334 p.
19. Келехсаев Р.К. *Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в условиях общественных модернизаций*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 28 с.
20. Баликоев А.Т. *Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 27 с.

21. Askerov E. *Islam and Muslim Youth in Central Asia and Caucasus*. Baku: Eurasian Regional Center; 2020. 226 p.

References

1. Khairtudinov D.Z. *Islam v Osetii. Informatsionnyy material Islamskogo kongressa Rossii* [Islam in Ossetia. Information material of the Islamic Congress of Russia]. Moscow: Eksmo Press; 1997. 234 c. (In Russian)
2. Emelyanova N.M. *Musul'mane Osetii: Na perekrestke tsivilizatsiy: Monografiya* [Muslims of Ossetia: at the Crossroads of Civilizations: Monograph]. Moscow: RIC Press; 2003. 359 c. (In Russian)
3. Amelina Y.A. Musul'mane Severnoy Osetii: patrioticheskiy vektor [Muslims of North Ossetia: the patriotic vector]. *Musul'manskiy mir* [Muslim World]. 2014;2:56–69. (In Russian)
4. Verdiev R.T. *Osobennosti sovremennoy Osetii* [Peculiarities of modern Ossetia]. Moscow: AST Press; 2009. 182 c. (In Russian)
5. Molodikova I., Watt A. *Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies)*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 224 p.
6. *Istoriya Osetii. XX vek* [History of Ossetia. The twentieth century]. Dzasokhov A.L. (ed.). Moscow: Nauka Press; 2003. 632c. (In Russian)
7. *Islam na Severnom Kavkaze: istoriya i vyzovy sovremennosti* [Islam in the North Caucasus: History and Challenges of Modernity]. Arsanukaeva M., Gil A., Shabatsyuk A. (eds). Lublin-Maykop, 2014. 266 c. (In Russian)
8. Dzeranov T.E. *Istoriya prinyatiya islama v Osetii (Alanii)* [The history of Islam adoption in Ossetia (Alania)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences]. 2015;12–6:15–17. (In Russian)
9. Blied M.M. *Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii* [Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus on the way to civilization]. Moscow: Mysl Press; 2004. 877 c. (In Russian)
10. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Sketches of History and Culture]. 2nd edition revised

and supplemented. Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences Press; 2018. 456 c. (In Russian)

11. Kanukova Z.V. *Diaspory v Osetii: istoricheskiy opyt zhizneustroystva i sovremennoe sostoyanie* [Diasporas in Ossetia: historical experience of life organization and current state]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V.I. Abaev Publ.; 2009. 172 c. (In Russian)

12. Rotstein A. *A people reborn: the story of North Ossetia*. London: Lawrence & Wishart; 2019. 431 p.

13. Hunter S. *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2016. 562 p.

14. Osipov S.K. Religioznyy faktor v evolyutsii politicheskoy sistemy Rossii [Religious factor in the evolution of the political system of Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2010;1:144–150. (In Russian)

15. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

16. Kenez P. *A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy*. London: Cambridge University Press; 2017. 388 p.

17. Biragova B.M. Islam v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya: sotsial'noe aktoorstvo i politicheskaya transformatsiya [Islam in the Republic of North Ossetia-Alania: social actorism and political transformation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2022;7:84–86. (In Russian)

18. Pilkington Y., Yemelianova G. *Islam in Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 2022. 334 p.

19. Kelekhsaev R.K. *Konfessional'nye aspekty politicheskogo i sotsiokul'turnogo razvitiya Osetii v usloviyakh obshchestvennykh modernizatsiy. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Confessional aspects of political and socio-cultural development of Ossetia in the conditions of social modernization. Dissertation Theses]. Vladikavkaz, 2015. 28 c. (In Russian)

20. Balikoev A.T. *Problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v Severnoy Osetii i mekhanizm ikh regulirovaniya. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Problems of interethnic

relations in North Ossetia and the mechanism of their regulation. Dissertation Theses]. Vladikavkaz, 2011. 27 c. (In Russian)

21. Askerov E. *Islam and Muslim Youth in Central Asia and Caucasus*. Baku: Eurasian Regional Center; 2020. 226 p.

Информация об авторах

Мухаметшин Рафик Мухаметшиевич, действительный член (академик) Академии наук Республики Татарстан, доктор политических наук, профессор, ректор Российского исламского института, Казанского исламского университета, председатель Совета по исламскому образованию, г. Казань, Российская Федерация.

Каспарян Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета; ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре.

Осипов Станислав Константинович, кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета; ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре.

About the authors

Rafik M. Mukhametshin, Full Member (Academician) of Tatarstan Republic Academy of Sciences, Dr. Sci. (Politics), Full Professor, Rector of Russian Islamic Institute and of Kazan Islamic University, Chairman of the Council for Islamic Education, Kazan, the Russian Federation.

Konstantin V. Kasparyan, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University; leading researcher at the Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the specialty, Master's and postgraduate studies.

Stanislav K. Osipov, PhD, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University; leading researcher at the Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the specialty, Master's and postgraduate studies.

Р.М. Мухаметшин, К.В. Каспарян, С.К. Осипов

Исламская община Северной Осетии в постсоветский период: особенности развития

Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):884–903

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 04 ноября 2023

Одобрена рецензентами: 10 декабря 2023

Принята к публикации: 15 декабря 2023

Article info

Received: November 17, 2023

Reviewed: December 12, 2023

Accepted: December 10, 2023